

ОБЪ ОБОЖАНІИ СОЛНЦА

У ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНЪ.

§ 1.

Что солнце было обожаемо Славянами, объ этомъ сохранилось намъ нѣсколько преданій, лѣтописныхъ и народныхъ. Древнѣйшее изъ этихъ преданій принадлежитъ Арабскому Писателю X вѣка, Масуди. Въ своихъ «Золотыхъ Лугахъ», описывая храмы Славянскіе, онъ замѣчаетъ, что въ одномъ изъ этихъ храмовъ сдѣланы были въ куполѣ отверстія и настройки, для наблюденія точекъ восхожденія солнца, и что тамъ вставлены были драгоценныя камни съ начертаніями, предсказывавшими будущее (*). У другаго Арабскаго Писателя, Ибраима бенъ-Весифъ-Шаха, читаемъ утвердительное извѣстіе, что солнце было обожаемо языческими-Славянами, и что одинъ изъ народовъ Славянскихъ праздновалъ семь праздниковъ, названныхъ по именамъ созвѣздій, важнѣйшій изъ которыхъ былъ празд-

(*) *M. Charmoy*, Relation de Mas'oudy etc. Memoires de l'Acad. Impér. des Sciences de S. Pétersb. VI-eme série. Tome II. S. P. B. 1834, стр. 320.

никъ солнца (*). Не знаемъ, о какихъ Славянахъ говорятъ тутъ Масуди и Ибраимъ-бешъ-Весифъ-Шахъ; впрочемъ, слова ихъ могутъ быть отнесены ко многимъ изъ народовъ Славянскихъ тѣмъ болѣе, что солнце, какъ знаемъ изъ преданій, было боготворимо Славянами повсюду.

Такъ, начиная съ *Русскихъ*, уже въ словѣ о полку Игоревомъ находимъ нѣсколько выраженій, болѣе или менѣе ясно намекающихъ, что обожаніе солнца было еще живо въ XII вѣкѣ. Въ самомъ началѣ похода Игоря, солнце давало воинственному Князю несчастныя знаменія: «Игорь вѣзрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти. . . . и жалость ему знаменіе заступи». Потомъ Игорь выѣхавъ въ походъ: «Солнце ему тьмою путь заступаше»; но онъ продолжалъ свой несчастный путь. Когда же Половцы одолѣли, когда слухъ о пораженіи Игоря въ битвѣ съ Половцами дошелъ въ Русь, жена Игоря, «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ» и обращается къ солнцу какъ бы съ укоризною, зачѣмъ оно не помогло ея мужу, «аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тулы затче». Въ Лѣтописяхъ встрѣчаются также выраженія, намекающія на старинное вѣрованіе въ участіе солнца въ дѣлахъ человѣческихъ: «сего не потерпя солнце лу-

(*) М. Charney, стр. 326.

чи скры» — «погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи: снѣдаемъ солнце» (1) и пр. Не мудрено, что наши проповѣдники должны были упрекать народъ за такіе остатки язычества, и увѣщевали его бросить суевѣрія, противныя учению Христіанскому. Такъ Кириллъ увѣщевалъ: «Не варицайте собѣ бога ни въ солнцѣ, ни въ луцѣ» (2); такъ и другой проповѣдникъ говорилъ: «луче же ли поклонитися лучю мръкнушему, нежь лучю безсмертному и богу сѣтворенну, а не Богу все сѣтворшу» (3)? Подъ богомъ сотвореннымъ, лучемъ меркнушимъ не лзя не разумѣть солнца. Не смотря однако на всѣ увѣщанія, не смотря на утверженія, подобныя тому, какія находимъ у Кирилла Туровскаго («уже бо не нарекутся богомъ стихія, ни солнце») (4), народъ не могъ отстать отъ своихъ старинныхъ понятій, передавалъ ихъ изъ рода въ родъ и сохранилъ до сихъ поръ нѣсколько суевѣрныхъ преданій о солнцѣ, какъ о существѣ божественномъ. Рассказываютъ въ сказкахъ, что Солнце есть царь (5), что онъ владѣеть двѣнадцатю царствами (6), и въ каждомъ поставилъ господиномъ одного изъ своихъ двѣнадцати сыновей, двѣнадцати солнцъ, что самъ Царь-Солнце живетъ въ солнцѣ, а

(1) Лаврент. Лѣтопись. Полное Собр. Лѣт. I, стр. 71, и повторено въ другой разъ: I, стр. 176. Ипатьев. Лѣт. Полное Собр. Лѣт. II, стр. 7.

(2) Москвитянинъ, 1834. I, Матеріалы, стр. 243.

(3) Рукопись XVI в. Повѣданія душоспасительна.

(4) Памятники XII в. стр. 19.

(5) О Князѣ—Солнцѣ, *Снегирева*, Рус. Послов. IV, стр. 41.

(6) О солнечныхъ царствахъ у *Макарова*, Рус. Преданія. II, стр. 103.

сыновья его живутъ въ звѣздахъ, что Солнцевы дѣвы всѣмъ имъ прислуживаютъ, умываютъ ихъ, убираютъ и поютъ имъ пѣсни (1). Вѣрятъ, что солнце, предвидя несчастныя событія, даетъ знать о нихъ людямъ и останавливается на пути, или скрывается въ тучахъ, будто само ихъ пугаясь. Вѣрятъ, что оно помогаетъ людямъ, счастливитъ ихъ, но что и преслѣдуетъ недостойныхъ, заслужившихъ его немилость и гнѣвъ. Такъ, въ одной изъ сказокъ объ Иванѣ Царевичѣ, Царь-Солнце указывало ему путь къ отцу и убивало чародѣевъ, лѣшихъ и всѣхъ нечистыхъ, ему мѣшавшихъ. Не лѣзя не вспомнить и о пословицахъ: «За сиротою Богъ съ капитою. Де сонце, тамъ и самъ Госпудь. И на моихъ воротахъ сонце засвѣтае. И въ мое вѣконце засвѣтитъ сонце Поки сонце зыйде, роса очи выйдеть. Сонце бѣ ты побило», и пр. Не можемъ пропустить безъ вниманія и Русскую дѣтскую пѣсню: «Солнышко, солнышко, выглянь въ окошечко, твои дѣтки плачуть» (2). Насѣкомое *coccupella septempunctatus* многими изъ Русскихъ называется «солнышкомъ»; въ Малороссіи, дѣти, взявши его на руку, спрашиваютъ: «сонечко, сонечко! по якимъ боцѣмъ Татары»? Даже въ самыхъ обрядахъ народныхъ сохранились прежніе языческіе обряды поклоненія солнцу: въ началѣ весны (особенно въ Свѣтлое Воскресенье) и въ началѣ осени (особенно подъ Петровъ день) выходятъ «караулить» солнце, какъ оно «вграетъ», ночью раскладываютъ огни гдѣ-нибудь

(1) О солнечныхъ дѣвахъ у *Сахарова*, Сказанія Рус. Нар. Кн. II, стр. 43. *Касторскаго*, Начертаніе Слав. Мифол. стр. 55.

(2) *Касторскій*, стр. 54.

на высотѣ, и встрѣтя солнце, привѣтствуютъ его пѣснями (1).

У *Славянъ Польскихъ* также сохранилось повѣрье, что солнце даётъ людямъ счастье. У нихъ есть и пословицы: «Do kogo słońce, do tego i ludzi. Komu słońce świeci, temu i gwiazdy błyszczą. Będzie i przed naszymi wrotami słońce. Nie miec się z motyką na słońce» и пр. Замѣтимъ клятву: «jak słońce na niebie», которую одинаково часто можно слышать и въ пѣсняхъ, и въ простомъ говорѣ; и которая совершенно равносильна Русской клятвѣ: «какъ Богъ въ небѣ». Повѣрье объ «игрѣ» солнца въ день «Sobotek» (24 Юня) сохранилось въ Силезиѣ, особенно Верхней, гдѣ оно сопровождается обрядомъ: дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, называемые «słończeta», и выходятъ съ ними на зарѣ въ поле; положивши ихъ тамъ на чистомъ бѣломъ платкѣ, пляшутъ вокругъ, припѣваютъ: *graj słońce, graj, tutaj są twoi słończeta*, и потомъ, встрѣтя солнце и поклонившись ему, дѣлятся пирожками такъ, чтобы подарить ими всѣхъ близкихъ своихъ» (2).

Преданіе о поклоненіи солнцу *Чехами* дошло и до Византийцевъ: Халкондила, Писатель XV вѣка, говоритъ, что даже незадолго до его времени, въ Прагѣ боготворили огонь и солнце (3), зная вѣроятно, по слухамъ, о какихъ нибудь обрядахъ, соединенныхъ у Чеховъ съ стародавнимъ обожаніемъ солнца. Что оно точно было, на это имѣемъ доказательства въ преданіяхъ народныхъ. Одна изъ ста

(1) *Стигирева*, Рус. Праздники. I, 30 и 220. III, 16. IV, 67.

(2) *Антопъ*, Collectanea, хранящ. въ Сгорѣлицкой Библиотекѣ.

(3) *Стриттеръ*, Met. popul. II, 1061.

различныхъ пѣсней Крамледворской рукописи «о поражении Саксонцевъ», начинается обращеніемъ къ солнцу, напоминающимъ о выраженіяхъ Слова о полку Игоревомъ: «Ai ti slunce, ai sluneczko, ti li si zalostivo! ciemu ti swietis na ny, na biedne ludi». Съ этимъ сравнить можно выраженіе, отчасти и до сихъ поръ обычное у Чеховъ: «o slunce»! или «o měj žalost, slunce»! Въ сказкахъ упоминается о чертогахъ солнца и о томъ, что оно состраждетъ въ горѣ людскомъ, что къ нему прибѣгаютъ тѣ, которые нуждаются въ сильной помощи: къ солнцу обращался рыцарь Лабушь, отыскивая свою милую, попавшуюся въ руки чародѣевъ; къ солнцу обращалась сестра девяти братьевъ, превращенныхъ въ вороновъ и т. п. Въ выраженіяхъ: «slunce schází, slunce zacház», солнце значитъ то же, что счастье. Тутъ можно вспомнить пословицы: «Protot' mi slunce wyjde. Srach by mi slunečko ne switilo. Nech ti slunce switi. Na tento dům zří!ka slunce swítí. Slunce radost» и пр. Въ одной изъ пѣсней Крамледворской рукописи (Iahody) есть также подобное выраженіе: «Poied, mili, rucie domow, sluneczko nam zaide». Оно попадаетъ и въ народныхъ пѣсняхъ, напр.: «Slunečko zachází, potěšení moje slunečko zachází již za horu. O tom ja dobře wím, a w tom se ne meřím, že te, má panenka, ne dostanu» (*). Припомнимъ еще двѣ пословицы: «Ne zlob se na slunce, proti slunci ne otwírej hubu». Последняяна поминаетъ правило Пифагорейцевъ: «adversus solem ne loquitur»; а первая говорится и такъ: «Ne zlob se na Boha, ale

(*) *Erben, Pěsne národní w Cechach. W Praze. 1842. I, стр. 88.*

на себе», или : «Ne zlob se na swátých, ale na čer-
ta». Замѣчательно также выраженіе . «wěř jak slun-
сі», съ которымъ можно сличить приведенную выше
клятву Польскую. Въ Моравіи кое-гдѣ сохранился
обычай гадать по солнцу : идуть въ лѣсъ, въ самую
чашу; ищуть дерева, на которомъ бы свѣтилъ сквозь
листья лучъ солнца, и всматриваясь, какъ онъ ложится
на корѣ, отгадываютъ, ждуть ли удачи, или нѣтъ:—
если онъ легъ кружечкомъ, то это знакъ удачи, а
если крестомъ, то надобно бояться бѣды; кромѣ того
всматриваются въ цвѣтъ луча, и если онъ покажет-
ся зеленымъ, то надобно опасаться болѣзни, или и
смерти. Тамъ же, у Валаховъ, есть обычай гадать
по зарѣ утренней и вечерней : если замѣтятъ передъ
восходомъ солнца, тамъ гдѣ оно должно показаться,
и послѣ захода солнца, тамъ гдѣ оно сѣло, 'облачко
розовое, въ видѣ серпа, то надобно ожидать войны.
Видали—говорять Валахи—на зарѣ не только серпы,
по и цѣлаго воина, и это было знаменіемъ счастли-
вой войны. Это повѣрье напоминаетъ о знаменіи,
описанномъ въ сказаніи о побойцѣ В. К. Димитрія
I. Донскаго, какъ видѣнномъ сторожемъ Великаго
Князя ночью : «Той видѣвъ на высокоѣ облакъ изряд-
но идяше отъ востока, изъ него же изыдоша два
юноши свѣтлы, имуще въ обонхъ рукахъ мечи
остры» (*). Онъ же передаетъ и еще одно подобное
знаменіе : «во шестую годину сегодня видѣвъ падъ
ними небо отверсто, изъ него же изыде облакъ, яко
ранняя зоря, и надъ ними низко держащися, и той
же облакъ исполненъ рукъ человѣческихъ, кояждо
рука держащи оружіе, и отцустишася отъ облака

(*) Рус. Историч. Сборникъ. III, стр. 48.

того на главы Христіански» (1). Ибнъ-Фоцланъ говоритъ о такомъ же видѣніи небесномъ, о дружинахъ на коняхъ и въ вооруженіи, появляющихся на небѣ и почитаемыхъ Болгарами за борющихся демоновъ (2). У Чеховъ есть еще повѣрье, что солнце имѣетъ свое царство за моремъ, гдѣ вѣчное лѣто, и откуда прилетаютъ къ намъ сѣмена и птицы; что солнце ведетъ постоянную войну со всемогущею Стрегою, побѣждаетъ ее, но и само терпитъ отъ ранъ, ею наносимыхъ, до тѣхъ поръ, пока, по волѣ Божіей, не сокрушитъ ее.

Словаки вѣруютъ въ божественность Солнца, называютъ его святымъ и владыкою неба и земли (3), призываютъ его на помощь въ заговорахъ отъ недуговъ, вѣря, что оно помогаетъ людямъ; гадаютъ по лучамъ его, поставя противъ него два ножа или двѣ косы на-крестъ, или въ водѣ, какъ они идутъ въ ея глубинѣ. Этотъ послѣдній способъ гаданья употребляютъ дѣвушки, загадывая о своей долѣ весною. Когда вскрыется ледъ, онѣ припавъ къ водѣ, приговариваютъ: «Wodo, wodo! čoti kaže snečko!»! Солнце, по повѣрью Словаковъ, имѣетъ свои чертоги въ Матрѣ, гдѣ всегда готовы служить ему двѣнадцать дѣвъ, никогда не старѣющихъ. Еще прибавляютъ, что, когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по свѣту, нечистая сила сходится вокругъ нихъ, всюду прячется, и выжидаетъ возвращенія

(1) Рус. Историч. Сборникъ, III, стр. 57. Примѣч. 6. Сравни И. Г. Р. V, пр. 79.

(2) Mémoires de l'Académie de S. Pétersb. VI-ème série. Tome 1, стр. 571. Ср. S. Petersburg. Zeitung. 1831, № 56.

(3) Ср. Květý, 1845. № 23. 26.

солнца, чтобы его захватить и умертвить, но что всегда остается безсильною, и разбѣгается при одномъ приближеніи солнца.

У *Хорутанъ* до сихъ поръ сохранились нѣкоторыя пѣсни, въ которыхъ живо рисуется старинное понятіе о богѣ-Солницѣ. Такъ, въ одной Зильской пѣснѣ, которую поютъ подѣ липой, при встрѣчѣ весны, говорится: «Zarja mi gore schaja, ljera zarja mi gore gre; za zarjo mi gre sonce. oj r'mjeno sončice. Le čakaj, čakaj, sonce, oj r'mjeno sončice! jas ti man w'liko powédati, pa še w'liko weč prašeti. «Jas pa ne man čakati, man w'liko obsjewati, vse dolince ino chriberce, tudi vse moje s'rotice» (1). Замѣтимъ, что солнце называетъ тутъ сиротъ своими: у всѣхъ почти Славянъ названіе бѣдныхъ напоминаетъ имя Бога убогій, божьякъ, богецъ и пр.). Другая пѣсня Хорутанская, которую поютъ и въ началѣ весны и въ Кресъ (24 Іюня), начинается такъ: «Bog daj wedro, Bog potoci svoje kolo na naše stodole i na naše pole» (2). Тутъ богомъ названо, очевидно, солнце. ѣдущее на своей колесницѣ, подобно Аполлону. Фантазія Хорутанъ и рисуетъ солнце вѣчноюномъ воиномъ, ѣдущимъ на двуколкѣ, запряженной двумя бѣлыми конями и украшенной широкимъ бѣлымъ парусомъ, котораго колебаніе наноситъ на землю тучи и гонитъ вѣтеръ; около него вьются птицы, которые одни могутъ видѣть его и знать, чего не-

(1) Сообщена мнѣ *У. Ярникомъ*. Смотри его Versuch eines Etymologikon der Slowen. Mundart. Klagenfurt 1832, стр. 202.

(2) Иначе въ изданіи Блажка: Bog daj wedro, Bog potoci svoje kolo nate wel'ke jasli, de se lépo wjani. Sloven. pesmi Krain. var. V Ljublani 1839. I. стр. 19.

знаеть никто на землѣ. Изъ пословиць Хорутанскихъ вспомнимъ: «Razswétli se sonce i na wratich mojich. Sonce mi je pomerknélo. Sonce moje schaja. Sonce mi in Bogá. Объясненіемъ первой, которая принадлежитъ и многимъ другимъ Славянамъ, можетъ служить обычай ставить на воротахъ мѣдный крестъ въ звѣздѣ за всякаго женатаго члена семьи.—обычай, извѣстный и многимъ Русскимъ: этотъ крестъ называется «sonšes» или «sonšek», и выставляется, на другой день свадьбы, съ обрядомъ, называемымъ посвященіемъ—«poswešilo». Клятва: «Sonca mi in Boga» употребляется Хорутанами въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ «ей-Богу».

У *Хорватовъ* есть также пословицы: «Pomirklo mi je sunce,—swene i meni kateda sunce,—sunce te ne oswetilo, sunce te oswetilo. (чтобы солнце тебя не освѣтило,—чтобы солнце тебѣ отмстило. Въ день Креса (24 Іюня) Царь-Солнце, по повѣрью Хорватовъ, пируетъ въ своихъ чертогахъ, и тогда лучи его, которые онъ пускаетъ по свѣту стрѣлами, во всѣ стороны, играютъ въ воздухѣ. Папороть называется Хорватами «sunšes»; говорятъ, что онъ разцвѣтаетъ, когда солнце побѣдитъ чернаго волка, и что нечистые духи хотѣли бы недопустить цвѣтка до разцвѣта, но не могутъ.

У *Сербовъ*, кромѣ пословиць, употребляемыхъ Хорватами, есть еще: «Сунце на исток, а Бог на помѣћ,—свијетао ти образъ,—свијетло ти лице (чтобы твое лицо было освѣщено солнцемъ). Да није сиротинье не бы ни сунце гријало. Бога ми. сунца ми и мјесеца,—не свјетило сунце на главу моју» и пр. Солнце, по ихъ понятію, не имѣющему, ко-

нечно, никакого соотношенія съ выводами современной Науки, занимаетъ середину міру, «свега свиѣта», за которымъ простирается царство тьмы. Рассказываютъ они и о солнечномъ царствѣ: Царь-Солнце, молодой и прекрасный юнакъ, сидитъ въ немъ на золотоклиномъ пурпурномъ престолѣ, а подлѣ него двѣ дѣвицы—Заря-утренняя, и Заря-вечерняя, и семь ангеловъ-судей—звѣздъ и семь вѣстниковъ—звѣздъ хвостатыхъ (кометъ), и лысый дѣдушка—старый мѣсяць. Въ одной изъ пѣсенъ рассказывается, какъ Солнце сватало какую-то дѣвушку, и младшій ея братъ отдавалъ ее: «ах су у грод' девет братах, деветина сестру мају, но и сестру Сунце проси. Ни један је брат не даје; најмлађи је брат даваше. Она браћу говораху: А пе, брате, један брате! јер је сунце огијевито, сестру ће ни изгор'јети» (1). Изъ пѣсенъ о Солнцевой сестрѣ, въ одной она представляется сидящею у воды Босильковой: «ките кити, подвезице плете, свака кита од дуката злата, подвезице — царева арача»; Царь пожелалъ ее увидѣть, и услышалъ отъ нея: «ја сам сунцу рођена сестрица, а мјесецу пѣрвобратучеда»; —и онъ отпустилъ ее; одаривши дарами (2). Въ другой пѣснѣ говорится о сватовствѣ Солнцевой сестры: «кога хоће да узме за лјубу, да он узме сунчеву сестрицу, мјесечеву пѣрвобратучеду, даничину Богом посестриму» (3). Еще одна пѣсня начинается такъ: «Ај ђевојко душо моје! Што си тако једнолика и

(1) Вук. Стеф. Караджитј. Српске пјесме. I, стр. 135 (изв. Вѣв. изд.).

(2) Тамъ же, I, стр. 139.

(3) Тамъ же, I, стр. 138.

у пасу танковита, кан да с' сунцу косе плема, а мјесецу дворе мела» (*). О красивыхъ дѣвушкахъ говорится: «кано да сунцу косе плете» или «кано да је сунчева сестра». Есть также повѣрье о Солнцевыхъ коняхъ, бѣлыхъ и ретивыхъ: ихъ поить Звѣзда Денница.

У *Болгарь* найдутся, вѣроятно, подобныя преданія и повѣрья, судя потому, что и они олицетворяютъ солнце и рассказываютъ о его странствіяхъ по бѣлому свѣту.

Сводя всѣ эти указанія на повѣрья о солнцѣ, какъ свидѣтельства о старинныхъ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, можемъ заключить, что въ числѣ этихъ вѣрованій были распространены между язычниками-Славянами слѣдующія :

Солнце было обожаемо въ двухъ видахъ. какъ видимое небесное свѣтило, занимающее средину свѣта, все освѣщающее, и какъ богъ, какъ Царь-Солнце. Въ этомъ послѣднемъ видѣ его представляли, какъ Аполлона, Мирту или Бальдера, прекраснымъ, вѣчноюнымъ воиномъ. Царство его воображали гдѣ-то за моремъ, въ странѣ вѣчнаго лѣта и вѣчной жизни, откуда сѣмена жизни залетають и къ намъ; а чертоги его должны были быть на высокихъ, священныхъ горахъ. Тамъ, какъ вѣрили, Царь-Солнце возсѣдаетъ на своемъ пурпурномъ, золото-тканномъ престолѣ, окруженный своимъ дворомъ и родней. Дѣвы ему прислуживаютъ, его убирають, заплетаютъ ему волосы и поють пѣсни: изъ нихъ главныя двѣ—Заря утренняя и Заря вечерняя. Семь

(*) Тамъ же, I, стр. 161.

звѣздъ ангеловъ—судей и семь вѣстниковъ, летающихъ по свѣту въ образѣ хвостатыхъ звѣздъ, готовы къ услугамъ. Звѣзда Денница смотритъ за его ретивыми бѣлыми копытами. Къ его семьѣ принадлежитъ дядя солнца, старый мѣсяцъ, семь его внучать, и всѣ Солнцевы сестры. Въ чертогахъ Царя-Солнца бываютъ празднества весною, лѣтомъ и осенью: тогда и на землѣ празднуютъ въ честь ему, — и видно въ это время съ земли, какъ солнце играетъ на небѣ. И тогда Царь-Солнце борется со нечистою силой, которая является передъ нимъ то въ образѣ Стреги, то въ образѣ волка, и т. п. Солнце было обожяемо, какъ святой владыка неба, земли и людей. Вѣрили, что отъ него зависятъ звѣзды и вѣтры, урожай и погода; вѣрили, что людемъ добрымъ солнце помогаетъ, преступныхъ наказываетъ: однимъ даетъ счастье, другихъ преслѣдуетъ, убиваетъ. Солнце обожали, какъ защитника сиротъ и покровителя семейнаго покоя и счастья: вотъ почему всякая семья должна была имѣть его образъ, какъ символъ его благодати. Вѣрили, что солнце, принимая участіе въ дѣлахъ человѣческихъ, предсказываетъ бѣдствія знаменіями; что, видя зло совершающееся, скрываетъ лучи свои въ тучахъ, или свѣтитъ жалостно, или останавливается на пути. Человѣку предоставлено было допрашивать солнце о будущемъ, гадать по лучамъ его, по зарѣ утренней и вечерней. Къ солнцу, какъ владыкѣ всего, обращались съ молитвою не только въ бѣдѣ или болѣзни, но и постоянно каждый день, и въ особенные дни года, весною, лѣтомъ, и осенью и зимою. Ему приносили и жертвы.

§ 2.

Солнце было обожаемо подъ различными названіями, или, правильнѣе выражаясь, Мифологія Славянская представляетъ нѣсколько божествъ солнечныхъ, связанныхъ, вѣроятно, узамъ родства. Къ божествамъ солнечнымъ принадлежали: Хорсъ—Дажь-богъ, Волось, Сварожичъ, Радагастъ, Святovidъ, Яровитъ. Ясонъ и пр.

Названіе *Хѣрса* = *Хорса* (Хор'са) читаемъ въ Лѣтописи Несторовой: Владиміръ поставилъ идолъ Хорса вмѣстѣ съ идолами Перуна (1) и пр. Въ Похвалѣ Князю Владиміру также упоминается о Хорсѣ. О вѣрованіи въ Хор'са поминаетъ и Слово Христіянина (2). Въ сказаніи о побоищѣ Мамаевомъ Хорсъ (Хурсъ=Гурсъ=Русъ) стоить въ числѣ божествъ, которымъ поклонялся Мамай, и которые впрочемъ почти всѣ Славянскаго происхожденія, извѣстные Нестору (3). Важнѣйшее мѣсто о Хорсѣ находится въ словѣ о Полку Игоревомъ: «Всеславъ Князь людемъ судяше. Княземъ грады рядяше, а самъ въ почь влькомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хр'сови влькомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Святыя Софеи въ колоколы; а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша». Тутъ, очевидно, рисуется Князь Всеславъ обгоняющимъ бѣгъ солнца. Другое мѣсто, выражающее то же самое понятіе о Всеславѣ, безъ имени Хорса: «(Всеславъ) скочи... лютымъ

(1) Лаврент. Лѣт. Полн. Собр. Лѣт. I, стр. 94.

(2) *Востокова*, Описаніе Рукописей Румянц. Музея, стр. 228.

(3) Рус. Истор. Сборникъ. III, стр. 60.

звѣремъ въ пѣночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мглѣ, утрѣ же возни стрикусы отвори врата Новуграду». О Всеславѣ и Лѣтописи говорятъ: «его же мати роди отъ вѣлхвованья» (1); а здѣсь онъ сравнивается съ лютымъ звѣремъ, волкомъ, какъ со злымъ духомъ ночи. Мы видѣли преданія о бѣсахъ, обгоняющихъ солнце: волкъ, какъ бѣсъ ночи, также извѣстенъ въ народныхъ преданіяхъ Славянскихъ, и Гриммъ сравниваетъ даже слово «врагъ», означающее у нѣкоторыхъ Славянъ черта, со Старо-Нѣмецкимъ *warg*, что значитъ волкъ (2). Нашъ ученый Прейсъ справедливо сравнивалъ слово Хорсъ = Хоръсъ съ Ново-Персидскимъ именемъ солнца *Хор* или *Хур*, съ именемъ Царя Персидскаго *Кореш* = *Хореш*, означавшимъ также солнце, какъ объ этомъ знали и Греки (3). Вацерадовъ Кѣртъ (*Kirt*) есть тотъ же Хорсъ: «*Radihost wpukk Kirtow*» (4). Кроме родства его съ Радагастомъ, который, какъ сказано будетъ ниже, былъ также богомъ солнечнымъ, это доказывается и Хорутанскою пословицею: именемъ «*K'rtowa deŕda*» (область Кѣртова) называютъ Хорутане небо или рай, и говорятъ: «*Ne wsi gremo w K'rtowo, marsikteri w ŕrtowo*» (не всѣ идемъ въ рай, иные и къ черту), или же: «*wsi gremo w K'rtowo*» (всѣ умремъ) (5). Съ этимъ сравнить можно Русское понятіе о солнечныхъ царствахъ въ

(1) Лаврент. Лѣт. тамъ же, стр. 67.

(2) *Grimm*, Deutsche Mythol. 2-e Ausg. Götting. 1844. II, 948.

(3) Журн. М. Н. Пр. 1841. Ч. XXIX. Отд. IV, стр. 35—36.

(4) *Schaffarik und Palacky*, Denkmäler der Böhm. Sprache. Prag. 1841, стр. 223.

(5) *Jllyg. Blatt*. 1842. № 11. 500 Slavenskih predgovorov. № 478.

небѣ (1). Замѣтимъ еще, что между областными словами Хорутанскими и Хорватскими есть *къртъ* — огонь, свѣтъ.

Дажь-богъ. Уже изъ Нестора видимъ, что Хорсъ и Дажь-богъ были одно и то же: между этими двумя именами не ставить онъ соединительнаго союза и, какъ между именами другихъ боговъ: «Володимеръ) постави кумяры. . . Перупа. . . и Хърса Дажь-бога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь» (2). Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бы рядомъ съ именемъ Хорса можно было надѣяться найти и имя Дажь-бога, есть только имя Хорса, или же, напротивъ, одно имя Дажь-бога, безъ имени Хорса: такъ и въ Словѣ Христюбца, и въ сказаніи о Побоище Мамаевомъ. Въ Словѣ о Полку Игоревомъ читается: «тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажь-божа внука»; «Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала... вѣстала обида въ силахъ Дажь-божа внука». Подъ именемъ внука Дажь-бога я понимаю Владимира, извѣстнаго и въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ подъ именемъ «Краснаго-солнышка»: Пѣвецъ могъ его назвать внукомъ бога солнца, какъ пазвалъ и Баяна внукомъ такого же бога солнца. Велеса. Самое ясное указаніе, что Дажь-богъ есть солнце, находимъ въ Ипатьевской Лѣтописи: «И по семъ царствова сынъ его (Свагора) именемъ Солице, его же наричють Дажь-богъ», и ниже: «Солнце Царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажь-богъ» (3). Само собою разумѣется, что

(1) *Макарова*, Русскія преданія. II, стр. 113.

(2) Лавр. Лѣт. Тамъ же, стр. 24.

(3) Ипатьев. Лѣт. Полное Собр. Рус. Лѣт. II, стр. 3.

слово Дажь-богъ не лзя объяснять, какъ иные дѣлали изстари, посредствомъ «Дажь богъ», или «дай богъ», хотя кое-гдѣ въ Россіи и говорятъ «дажба» въ значеніи «далъ бы богъ», какъ «спасибо» вмѣсто «спаси богъ». «Дажь» есть прилагательное отъ «Дагъ» (срав. Ст. Герм. dag, Исланд. dagr) — день, свѣтъ (1). Въ нарѣчій Хорутанскомъ, въ Каринтіи, сохранилось и до сихъ поръ слово этого корня — «дъжпица» — ранняя заря.

Волосъ — *Велесъ* было также названіе бога солнца. Въ этомъ отчасти можетъ убѣдить и сравненіе Несторовой Лѣтописи съ договоромъ Святослава съ Греками, помѣщеннымъ въ той же Лѣтописи: у Нестора второе мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Хорсъ, и нѣтъ вовсе имени Волоса; въ договорѣ Святослава второе же мѣсто послѣ Перуна занимаетъ Волосъ: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотья бога» (2). Кромѣ того, не лзя тутъ не сравнить преданія Чешскаго о заморскомъ царствѣ солнца съ другимъ преданіемъ Чешскимъ, что Велесова страна также за моремъ, такъ-что «zaletět někam za moře k Welesu» значитъ: невѣдомо куда пропасть (3), между тѣмъ какъ эта невѣдомая страна Велесова Чеховъ должна быть то же, что страна Къртова Хорутанъ. Имя Волоса напоминаютъ «волотки», — названіе праздника жатвы, посвященнаго солнцу, извѣстное до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи (4). По словамъ Сабин-

(1) Edda Saemundar hius fróde. III. (Навн. 1828) стр. 315—316.

(2) Лавр. Лѣт. Тамъ же, стр. 31.

(3) Юнгмана Slownik. Cesky V, 57.

(4) Снѣгирева, Русскіе Праздники. IV, 71. Сабинина, о Волосѣ. Журн. М. Н. Пр. 1843. Ч. XL. Отд. II, стр. 34.

ниша, въ Южной Россіи, старушки передъ жатвою завиваютъ и бороду Волосу: собравъ цукъ колосевъ и не вырывая ихъ изъ корня, перегибаютъ ихъ и связываютъ въ узелъ, чтобы ихъ не трогали. О Велесѣ напоминаетъ и Хорутанско-Каринтійское слово «wletka», что значитъ дождь, идущій въ то время, когда свѣтитъ солнце,—и Польское слово «włodek», означающее дѣтскую стрѣлку съ перомъ (1),—и обрядная пѣсня Чешская: «Wele, Wele! dubec stoji prostřed dwora», упоминаемая Нельпелемъ (2), и напоминающая Польскую пѣсню: «Na stół dwogu jawog stoi», которую поютъ на праздникъ солнца, Коляду (3). По нѣкоторымъ другимъ даннымъ легко можно сравнивать Волоса съ Аполлономъ; такъ, а) Аполлонъ былъ почитаемъ подателемъ благъ, покровителемъ земледѣлія, свѣтоподателемъ, который своимъ окомъ проникаетъ въ нѣдра земли и владѣть предѣлами вселенной, который звуками своей кивары производитъ времена года, и потому назывался царемъ Паномъ, двурогимъ божествомъ, посылающимъ звуки вѣтровъ. Вацерадъ сравниваетъ и Велеса съ Паномъ (Veles, pan, imago hircina. Velles, pan, primus calamos cera conjungere plures instituit) (4). б) Аполлонъ считался богомъ стадъ, богомъ всего пасущагося; то же знаемъ и о Волосѣ, который и въ договорѣ Святослава называется богомъ скотинимъ, и у Вацерада — богомъ овецъ и пастуховъ (Veless, pan, curat oves, oviumque magist-

(1) Gołębiowski. Gry i Zabywy. Warszawa. 1831, стр. 304.

(2) Pelcel, Kronika Ceska. I, стр. 70.

(3) Z. Pauli, Piesni ludu Pol. Lwów. 1838, стр. 3 и 5.

(4) Schafarik und Palacky, Denkmäler. стр. 229. Ersch und Gruber Allgem. Encyclopädie IV, стр. 422.

gos) (1). в) Аполлонъ былъ богомъ музыки и пѣсень; такъ и Слово о Полку Игоревомъ называетъ пѣвца Бояна внукомъ Велеса: «вѣщей Бояне, Велесовъ внуче».

Сварожичь — сынъ Сварога. О Сварогѣ читаемъ въ Ипатьевской Лѣтописи: «И бысть по потопѣ и по раздѣленіи языкъ поча царствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія (Ерміи), по немъ Феоста, иже и Соварога нарекоша Егуптяне... Прозваша и Богъ Сварогъ... По семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце» (2). Мѣсто это взято изъ Византійскихъ Хронографовъ (см. Кедрина, Малалу и пр.) (3). Со словомъ «Сварогъ» можно сравнить Svarga, названіе Индійскаго рая, страны свѣта и наслажденій ликомъ божества, происходящее отъ svar — небо (4), и напоминающее Чешское слово svor (zvor), которому Вацерадъ даетъ названіе зодіака (5). У Литовцевъ богъ солнца назывался Sotuar—Solwaros: его почитали богомъ свѣта дневнаго, пастуховъ, поэтовъ, лекарей, — тѣмъ же, чѣмъ у Грековъ былъ Аполлонъ. Кардиналъ д'Альи объясняетъ слово Sotuar словами «оживитель свѣта, душа свѣта», и прибавляетъ, что это было само солнце, что ему посвященъ былъ день, слѣдующій за пятни-

(1) *Schaf. u. Pal.* 229. *Ersch.* 421. Кстати: у Русскихъ сохраняется обычай—къ празднику солнца, Колядъ, готовить фигуры, изображающія коровъ, быковъ, овецъ и другихъ животныхъ и пастуховъ. *Сивгирева*, Рус. Праздники. II, стр. 26.

(2) Ипатьв. Лѣтоп. Тамъ же, стр. 5.

(3) *Малала* въ Фосскомъ изд. стр. 21, 23—24. *Кедрина* тамъ же стр. 36.

(4) *Bohlen*, *Das alte Indien*. I, 176. *Vopp*, *Glossarium*, стр. 198.

(5) *Schaf. u. Palacky*, стр. 326.

цей, и что поклонение ему было очень распространено (1). Со словом *Sotuar* можно сравнить *stuor*, которым по Чешски Вацерадь переводить имя Озириса (2). Еще припомним Санскритскія слова: *sur* — бросать копье, метать лучи и *svagu* — стрѣла, — и тутъ можемъ сличить Сварога съ Аполлономъ, какъ стрѣлометателемъ: лучи солнца казались язычникамъ особенною силою Солнца — бога, его стрѣлами; потому и Ярославна, въ Словѣ о Полку Игоревомъ, плачется Солнцу: «чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои» (3). Ипатьевская Лѣтопись говоритъ о Солнцѣ Дажь-богѣ Сварожичѣ, а Слово Христоробца Сварожичемъ называетъ какой-то огонь, которому поклапялись: «И огневи молятся, зовутъ его Сварожичемъ» (4). Эти упоминанія очень важны для объясненія имени главнаго изъ божествъ, которымъ, по описанію Дитмара, поклапялись Балтійскіе Славяне Редари. Дитмаръ пишетъ: «въ области Редарей есть городъ, называемый Ридегость. . . въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ храма. . . а внутри храма стоятъ рукотворные боги. . . Первый изъ нихъ называется *Zuagasici*, и почитается всѣми язычниками болѣе прочихъ» (5). Слово *Zuagasici*, попадающее и въ письмѣ Св. Бруна къ Генриху II (6), какъ ни разнообразно объясняли его по догадкамъ, всего легче и безъ всякихъ предположеній объясняется словомъ Сварожичъ, съ чѣмъ согласился

(1) *Narbut*, *Drieje narodu Litew.* I, стр. 17—19.

(2) *Schaf. u. Pal* стр. 226.

(3) Срав. Москвитинъ. 1843. I. Критика, стр. 33.

(4) *Востокова*, Опис. Рукопис. Румянц. М. 228.

(5) *Дитмаръ*, VI, стр. 17.

(6) *Pertz*, *Scriptores Rerum Germ.* III, стр. 812.

наконецъ и Шафарикъ (1). Этотъ Сварожичъ, обожаемый Редарями въ Ретрѣ, есть, безъ сомнѣнія, тотъ самый богъ свѣта Дажь-богъ Сварожичъ, о которомъ упоминаетъ Ипатьевская Лѣтопись, которая, повторяя сказанія Византійскихъ Хронографовъ о Царяхъ Египетскихъ, придаетъ имъ отъ себя Славянскія названія. Что же касается Сварожича, о которомъ говоритъ Слово Христолюбца, то онъ долженъ быть другимъ сыномъ Сварога, отца небесаго, — божествомъ огня, можетъ быть, Перуномъ.

Радагастъ есть тотъ же Дажь-богъ Сварожичъ, какъ это видно изъ сравненія сказаній Дитмара и Адама Бременскаго. Дитмаръ называетъ главный городъ Редарей—Radegast: вѣроятно, тутъ должно разумѣть имя прилагательное Радегашъ—городъ Радегастовъ (какъ Нехворошъ отъ Хворостъ, Быдгошъ отъ Быдгостъ, вѣщъ (вѣщій) отъ вѣсть и т. п.). Другіе, въ томъ числѣ и Адамъ Бременскій, знаютъ тотъ же городъ подъ именемъ Ренты. И вотъ какъ объ немъ пишетъ Адамъ Бременскій: «Славянскіе народы живутъ и между рѣками Эльбой и Одрой... Изъ нихъ средніе и главнѣйшіе суть Ратари, а знаменитый ихъ городъ Ретра, столица идолопоклонства. Въ городѣ воздвигнутъ большой храмъ, посвященный демонамъ, изъ которыхъ первый Редигостъ. Его идолъ украшенъ золотомъ, а ложе пурпуромъ» (2). Если же Ретра и Радагашъ есть одинъ и тотъ же городъ, то и богъ Радагастъ и богъ Сварожичъ суть два имени одного и того же бога. Не забудемъ тутъ, что какъ Дитмаровъ Сварожичъ, такъ и Ада-

(1) *Časopis Čes. Mus.* 1844. Сличи тамъ же 1837, стр. 62.

(2) *Адамъ Брем.* I, 63. То же повторяетъ и *Гельмольдъ* I. 2—21.

мовъ Радагастъ былъ почитаемъ покровителемъ войны, имѣлъ священнаго коня, употребляемаго при обрядѣ гаданій, и т. д. (1). Кромѣ того у Вацерада находимъ преданіе, что Радагастъ былъ внукъ Къртовъ, какъ было уже замѣчено; а такъ какъ Къртъ или Хърсъ былъ богъ солнца, слѣдовательно и Радагастъ, какъ Дажь—богъ Сварожичъ, былъ чтимъ, какъ воплощеніе солнца. Вацерадъ сравниваетъ Радагаста съ Меркуріемъ, но, вѣроятно, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ сравниваемъ былъ съ Меркуріемъ и Скандинавскій Воданъ, который однакожь былъ и Марсомъ, и Юпитеромъ и всепроникающимъ свѣтомъ, такъ точно какъ и Индійскій Брама (2). Подтвержденія единству Радагаста и Дажь—бога Сварожича едва ли не должно искать и въ самомъ словѣ «Радагастъ», производя его отъ *дагъ*—день, небо.

Святъвидъ также называется Сварожичемъ (*Svaraziz* вмѣсто *Svarasiz*) въ одномъ изъ списковъ Книтлинга—Саги (3). Не для чего тутъ предполагать описку: потому что есть и другія доказательства единству божественности Сварожича и Святовида. Какъ Радагастъ Сварожичъ былъ главнымъ въ Ретрѣ,—городѣ, желавшемъ властвовать надъ всѣми Балтійскими Славянами; такъ и Святовидъ тѣми же Славянами былъ почитаемъ за бога боговъ, которые, въ отношеніи къ нему, считались полубогами, и своимъ храмомъ Арконскимъ, не много позже, вла-

(1) *Гельмольдъ*, 1. 23. *Адамъ Брем.* III. 166. *Chronie.* August. ad a. 1068. *Dreher*, Codex. 1. 349.

(2) *Grimm*, D. Myth. 121, 328, и пр. *Bohlen*. D. a. Indien. I. 145—146.

(3) *Pormanna Sögur.* XI. 384.

дычествовалъ надъ всѣми Сѣверо-Западными Славянами (1). Какъ Радагастъ Сварожичъ былъ почитаемъ за божество побѣдоносное, и страшно былъ вооруженъ; такъ и Сятовидъ былъ чтимъ, какъ богъ побѣдъ, и у идола его лежало оружіе (2). Тотъ и другой имѣлъ своего священнаго вѣщаго коня (3). Сятовидъ, по описанію Саксона Грамматика, изображался съ четырьмя головами: это напоминаетъ Индійскаго Брахму (Chaturmukhas), — то же солнце, — который представляемъ былъ также съ четырьмя головами (4). Припомнимъ еще, что праздникъ Сятовидова приходился послѣ жатвы, осенью, въ Сентябрѣ, около времени равноденствія, времени празднествъ, посвященныхъ солнцу, какъ увидимъ послѣ.

Яровитъ или *Руевитъ*, подобно Сятовиду, сравниваемъ былъ съ Марсомъ (5), и былъ то же божествомъ солнечнымъ. Именемъ Яровита называли его Гаволяне и Вольгастяне; именемъ Руевита — Кореничани; оба названія впрочемъ имѣютъ одно и то же значеніе буйности, силы (6). Яровиту былъ посвященъ шить, почитавшійся столь священнымъ, что къ нему никто не смѣлъ прикоснуться: не мудро, что и этотъ шить, какъ шить у древнихъ, былъ символомъ небснаго свода и власти солнца (7).

(1) *Дитмаръ*, VI, 18. *Адамъ Бр.* IV, 63, 167. III, 166. *Гельмольдъ*, I, 6, 36, 83.

(2) *Дитмаръ*, VI, 17. *Адамъ Бр.* III, 166. *Гельмольдъ*, I, 112. *Саксонъ Грам.* XIV, (Миллерова изд.) 823—824.

(3) *Саксонъ Грам.*

(4) *Саксонъ Грам. Bohlen.* I 202.

(5) *Эббо*, у Болландистовъ, I, 409, 442. *Саксон. Грам.* 842.

(6) *Юнгманнъ*, *Slownik Cesky.* IV, 231. I, 370.

(7) *Uschold, Vorhalle.* I, 297—323.

Ясиѣе опредѣляется значеніе Яровита изъ словъ, гдѣ жрецъ его, именемъ самаго бога, высчитываетъ его качества,—словъ, извѣстныхъ изъ жизнеописаній Св. Оттона : «Я богъ твой; я тотъ, который одѣваетъ поля муравою, и листвіемъ лѣса; въ моей власти плоды нивъ и деревъ, приплодъ стадъ и все, что служить въ пользу человѣка : все это даю чтущимъ меня, и отнимаю отъ отвергающихъ меня» (1). У Хорутанъ, какъ мы видѣли, солнце и доселѣ изображается божествомъ съюющимъ. Коляда, праздникъ возрожденія солнца, какъ начало года, была, и остается отчасти по-нынѣ, временемъ гаданій и пожеланій о дарованіи благъ земныхъ, почти у всѣхъ Славянъ (2). Такъ и на празднествахъ Святотида гадали объ урожаѣ слѣдующаго года, испрашивая у него въ этомъ помощи (3). Руевитъ изображался съ семью головами подъ однимъ черепомъ, и семь же мечей въ поясахъ привязано было къ его поясу; а осьмой, вынутый изъ ноженъ, идолъ держалъ на-голо въ правой рукѣ. Объяснить это трудно; но что число семь было священнымъ у всѣхъ Сабейстовъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вспомнимъ семь планетъ и семь дней недѣли, семь коней солнца, семь преисподнихъ очистительныхъ, представляющихъ семь вратъ солнца Митры, семь стадъ Геліуса, седьмой день каждаго мѣсяца, какъ день рожденія Аполлона и пр. Другая форма корня «яръ» есть «ясъ», — и отъ нея произошло другое названіе

(1) *Сефридъ*, I, 128.

(2) См. Колядыя пѣснв.

(3) *Сакс. Грам.*

богъ свѣта—*Ясонъ* или *Хасонъ*, извѣстное Чехамъ (1) въ смыслѣ Феба. *Длугошъ*, а за нимъ и *Бѣльскій*, говорятъ о немъ (*Jesse*), какъ о Юпитерѣ (2); но это не должно наводить никакого сомнѣнiя, если сообразить, что и *Сварожичей* мы знаемъ также двухъ—и бога свѣта, и бога огня, какъ дѣтей неба.

Таковы были главныя мѣстныя проявленiя идеи обожанiя солнца языческими Славянами и главныя названiя божества солнечнаго, сколько мнѣ удалось узнать ихъ. Передавая на судъ читателей эту часть моихъ изслѣдованiй о сабеизмѣ древнихъ Славянъ, позволяю себѣ просить тѣхъ, которые ближе къ народу и его старожилымъ повѣрямъ, чтобы они обратили вниманiе на недостатки моего труда и дополнили его своими замѣчанiями. Между тѣмъ какъ уже не многого можемъ ждать отъ памятниковъ старины, для дополненiя массы фактовъ о язычествѣ Славянскомъ, не лзя не быть внимательнымъ къ тому, что еще сохраняется въ суевѣрiяхъ простаго народа, и пока онѣ еще живы, не лзя терять надежды, что если не многое, то, покрайней мѣрѣ, кое-что можетъ ими объясниться, и содѣйствовать сколько нибудь къ яснѣйшему представленiю столь занимательной части нашихъ древностей.

Исправл. должн. Экстраорд. Проф. Харьковскаго Унив.

И. СРЕЗНЕВСКIЙ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1846, № 7).

(1) *Jungmann, Slovnik*. I, стр. 571, 793.

(2) *Длугошъ*. V, 9. *Бѣльскій*. I. подъ царствованiемъ Мечислава I.